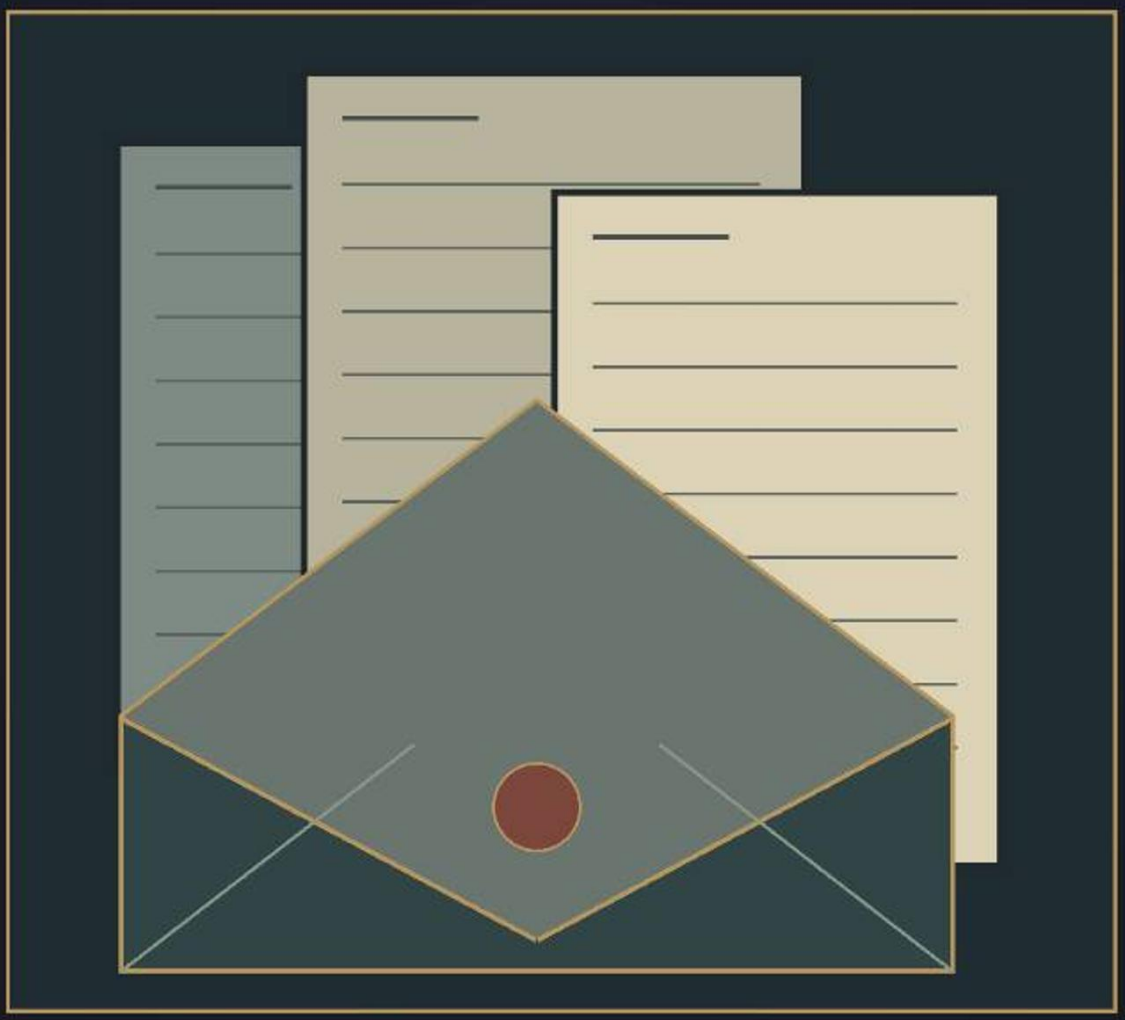
Алекс Вестфорд

ТАЙНЫЙ БЛЭКВУД

Дела инспектора Уитмора

ТРИ ПИСЬМА ИЗ ОЛДЕР-ХОЛЛА

КНИГА ВОСЬМАЯ

Алекс Вестфорд

Три письма из Олдер-Холла

«Автор»
2026

Вестфорд А.

Три письма из Олдер-Холла / А. Вестфорд — «Автор», 2026

Июль 1933 года. В Олдер-Холле собирают разрозненный семейный архив. Три старых письма будто бы рассказывают об одном пожаре — но даты и голоса в них не сходятся. Когда приглашённого описателя находят убитым в комнате карт, подозрение падает на человека, чей инструмент остался в доме. Инспектору Артуру Уитмору и сержанту Томасу Риду предстоит проследить путь одной типографской страницы и разобраться, где кончается память о семье и начинается подделка. Пока родственники решают, что вправе знать посторонние, в деле исчезнувшей Элеоноры Вейл появляется первое нынешнее сообщение. Его тоже необходимо проверить. Восьмой самостоятельный роман серии «Тайный Блэквуд. Дела инспектора Уитмора».

© Вестфорд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Три письма из Олдер-Холла 5
Глава 1. Бумаги приезжают в среду 6
Глава 2. Чай в прихожей 11
Глава 3. Чужой год 16
Глава 4. Обратный груз 21
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Алекс Вестфорд
Три письма из Олдер-Холла

Три письма из Олдер-Холла

Алекс Вестфорд

Глава 1. Бумаги приезжают в среду

Летиция Холден сама переставила ведро под потолочной розеткой. С вечера не капало, но на паркете остался серый полукруг, и миссис Берджесс непременно решила бы, что ведро можно унести. Потом пошёл бы дождь. Летиция знала этот дом достаточно хорошо, чтобы не считать ясное утро обещанием.

Снизу звякнули бутылки. Молочник отчитывал кого-то за невозвращённую тару; по ответному смешку Летиция узнала Жан. Девушка умела извиняться так, что виноватым чувствовал себя тот, перед кем извинялись. Вчера это понравилось Летиции. Сегодня, после счёта кровельщика, она позавидовала.

В дверях показалась тётка с тремя конвертами.

— Я не украла твою почту. Это моя.

— Я ещё ничего не сказала.

— Ты посмотрела на неё как хозяйка дома.

Оливия Марш отодвинула ведро ногой, проверила, не мокрый ли край, и пошла к окну. Под её рукой стекло негромко дребезжало. Из трёх конвертов два были новыми, а третий, узкий и мягкий на сгибах, она принесла, должно быть, из своей комнаты. Старую почту тётка теперь носила с собой, будто боялась второй раз не ответить кому-то вовремя.

— Ханна всё-таки написала? — спросила Летиция.

— Это от её сестры. Ханна переехала. Сестра дала адрес и переслала мою записку. Так что пока мы имеем человека, который знает, куда писать человеку, который, возможно, знает ещё кого-нибудь.

Оливия потёрла большим пальцем угол конверта.

— Не говори инспектору, что у меня есть новости. Скажи — письмо.

Летиция уже послала приглашение Уитмору и теперь почувствовала досаду, совершенно несоразмерную делу. Не хотелось выглядеть женщиной, которая зовёт полицию каждый раз, когда почтальон открывает калитку. В июне инспектор забрал тёткино письмо матери, а взамен прислал аккуратную копию. Она лежала в папке рядом с перечнем принятых бумаг. Всё было правильно, и всё же Летиция иногда ловила себя на желании вернуть пожелтевший подлинник в пачку, где он провёл столько лет.

— Я написала именно это. Он будет сегодня к шести, если сможет освободиться.

— Тогда оставь ему что-нибудь поесть. В прошлый раз он смотрел на хлеб, как на неприятную обязанность, которую все почему-то от него скрывают.

Из двора донёсся автомобильный гудок. Короткий, требовательный, с повтором.

— Джайлс? — спросила Оливия.

— Приехал вчера. Это мистер Белл.

— Тогда зачем он гудит?

Летиция подошла к окну. У машины стоял их перевозчик Филип Уорд и пытался вытащить из-под сиденья ремень. Мужчина в коричневом пиджаке держал длинную плоскую коробку, прижав её подбородком.

— Потому что мистер Уорд не отпускает руля, — сказала она. — Он считает, что иначе автомобиль уедет без него.

Тётка рассмеялась, и Летиция вдруг обрадовалась этому больше, чем сухому потолку.

* * *

Дэниел Белл принёс образцы переплётов и зашитую в холст книгу счетов. Холст был чистый, штопаный у края. Прежде чем положить свёрток на стол, Белл спросил, выдержит ли стол, хотя тот простоял в доме дольше большинства стеновых обоев.

— Только не у камина, — попросила Летиция. — Там сыплется.

— С потолка?

— Из трубы. Надеюсь.

Белл не улыбнулся. Поставил коробку, осмотрел раму окна, где краска не давала створке закрываться, и лишь потом взглянул на уже разложенные бумаги. От его пальцев пахло кожей и мылом. На левом указательном была застарелая светлая полоса.

Адриан Восс сидел за дальним концом стола, сняв пиджак. Он только что закончил нумеровать конверты, и появление коробки явно оскорбляло его труд. Однако он встал, поздоровался и освободил место сам, переложив листы на картон.

— Не кладите ничего на серые карточки, — сказал он. — Я ещё не перенёс номера в тетрадь.

Белл посмотрел на него.

— А если положить на белые?

— Белые можно.

Ответ был таким серьёзным, что Белл кивнул и больше не шутил.

Воссу был сорок один год; вчера за обедом он зачем-то сообщил об этом, объясняя, почему не считает себя молодым человеком, которому полезно постоять на сквозняке. Летиция пригласила его на две недели, а уже к утру второго дня обнаружила в библиотеке собственную книгу стихов с вкладышем «личное, вне описания». Восс не одобрял беспорядка, но не пытался объявить всякий порядок своим владением. Это ей нравилось. Нравилось меньше, когда он спрашивал, чьё разрешение получено на каждую карандашную помету.

— Мы с мистером Беллом посмотрим корешки, — сказала она. — Вам не помешаем?

— Помешаете. Но я могу перейти к окну.

Он собрал карточки, не заставляя её отвечать.

В коробке лежали два образца кожи, зелёная тесьма и рабочие инструменты. Белл вынул длинный нож с тёмной рукоятью. На ней, ближе к лезвию, блестел небольшой латунный штифт.

— Старые крышки придётся снять здесь. Бумага у сгиба ломается. Оставлю нож и косточку, если ваш описатель захочет приподнять подклейку. Только не резать страницы.

— Я не режу страницы, — сказал от окна Восс.

— Другие режут.

Белл подал Летиции образец. Штифт на рукояти зацепил подкладку коробки, и он, высвободив нож, сердито провёл ногтем по металлу.

— Всё собираюсь утопить глубже.

Они договорились о возвращении старых крышек в мастерскую. Уорд должен был заехать после обеда с корректурой из типографии и забрать приготовленную пачку. Белл вёз из Олдер-Холла только книгу счетов: для работы над ней нужны были пресс и свой стол. Работать с письмами он отказался. Сказал, что умеет сохранять листы, а не решать, что на них хотели сказать.

Восс поднял голову, словно впервые услышал от него что-то полезное.

Джайлс вошёл, застёгивая часы на запястье. Летиция с детства замечала эту его привычку — являться к людям так, будто они видят последние секунды длинной подготовки. Серый костюм, свежий пробор, воротничок без складки. За ним в дверях задержалась Дафна, у которой на щеке осталось пятнышко угля.

— Уже разобрали половину дома? — спросил Джайлс.

— Пока один стол, — ответила Летиция. — Мистер Белл покажет нам, что можно спасти.

— Несомненно. Его отец знал каждый шкаф в этом доме.

Белл уложил образец обратно в коробку.

— Он делал шкафы. Поэтому знал.

В комнате стало тише. Летиция не поняла, где именно прозвучала грубость: в словах кузена или в ответе. Восс записал что-то на карточке и отложил карандаш.

Джайлс спросил о доставке своих корректур. Уорд ещё разгружал во дворе пустые ящики и, услышав голос, заглянул в окно. Из типографии заедет после четырёх, как и обещал. Если Эймс закончит раньше — всё равно после четырёх, потому что до того надо отвезти лекарства миссис Пинч.

— Мне нужен чистый лист для окончательной правки, — сказал Джайлс. — Без его новых исправлений.

— Передам.

— Лучше запомните буквально.

Уорд исчез из окна. Дафна опустила голову; Летиции показалось, что она прячет улыбку. Но девушка рассматривала свои испачканные пальцы.

— У тебя уголь, — сказал отец.

— Да.

— На лице.

Дафна вытерла не ту щёку.

Летиция подошла и убрала пятно платком. Девушка стояла неподвижно, как ребёнок, которому давно следовало научиться этому самому, и Летиция на мгновение почувствовала себя виноватой. Дафне было девятнадцать. В сумке у неё лежали рисунки, отправлять которые в город отец пока не считал разумным.

— Я обещала миссис Берджесс нарисовать её собаку, — сказала Дафна. — Пока он спит. На ходу у него всё время шесть ног.

Белл фыркнул. Джайлс посмотрел на дочь, но ничего не сказал.

* * *

Три письма Восс положил на отдельный картон уже после ухода переплётчика. Все три пришли вчера с Джайлсом, среди бумаг его покойного отца Мартина. Летиция знала часть этих конвертов по прежним семейным сборам: адреса, старые приветы, обсуждение покупки лошади, которую потом никто не умел остановить. Теперь Джайлс готовил очерк о семье и хотел соединить частные письма с фотографиями и историей дома.

— Это не из тех, что вы передали инспектору? — спросил Восс.

— Нет. То было письмо тётки моей матери. Девятнадцатого июня его забрали. Копия в зелёной папке.

— Я видел. Эти три — другая пачка.

Он показал на первое письмо. Отец Летиции, Генри, писал брату девятого октября тысяча девятьсот двенадцатого года. Раздражался из-за стоимости стекла, благодарил за присланные рамы, внизу добавлял, что ключи мастерской пока у Джайлса. Вдоль строки тянулся знакомый Летиции наклонный почерк, с чрезмерно длинными перекладинами. Отец так же подписывал её школьные записки. Она помнила его руку лучше, чем голос, и это всегда казалось неправильным.

Второе письмо было материнским. Наверху стояло «14 октября», рядом карандашом — «1911». Бумага сложена вчетверо. Элспет писала о больнице, о рубахе для обожжённого человека и о мальчике, которого не удалось спасти.

Летиция прочла две строки, перевернула лист и вернулась к началу.

— Но пожар был в двенадцатом.

— Насколько нам пока известно, да.

— Это не тот пожар?

— Я ещё сравню записи. Здесь год добавлен не теми чернилами, которыми написан текст. Собственно, он вообще добавлен карандашом.

— Отец Джайлса всё надписывал. Даже коробки с пустыми конвертами.

— Тогда я хотел бы посмотреть другие его пометы.

Восс не подталкивал её читать дальше. Летиция, однако, прочла. Мать упоминала Натана Белла. У него были обожжены обе руки; мальчика он вытаскивал через окно. «Джайлсу следовало сказать о двери прежде, чем приехали с вопросами».

Летиция подняла глаза.

Джайлс стоял у шкафа, перебирая фотопластинки в бумажных чехлах. Он заметил её взгляд и протянул один из чехлов.

— Северная лужайка до вязов. Для фронтисписа лучше этого ничего нет.

Она не взяла.

— Что случилось с дверью мастерской?

— Какой дверью?

— Мама пишет о пожаре.

Он положил чехол на стол и подошёл. Прочёл, не прикасаясь к листу.

— Элспет очень тяжело переживала смерть мальчика. Все тяжело переживали. Были разговоры о том, почему не открыли заднюю дверь. Натан утверждал одно, другие — другое. Я бы не стал вырывать фразу из письма.

— Я и не вырываю.

Летиция услышала собственный тон и сразу вспомнила, как в детстве говорила отцу, что не трогала его чернила, хотя ещё не успела посмотреть на руки.

Джайлс подвинул третий лист.

— Здесь Генри сам объясняет положение. За день до пожара. Прочти потом всё вместе.

Это письмо было адресовано Мартину и датировано одиннадцатым октября двенадцатого года. Генри будто бы предупреждал об угрозах Натана, о его враждебности к хозяевам. Джайлс, говорилось внизу, уехал в Бристоль по делам. Подпись походила на отцовскую, но Летиция не испытала того мгновенного узнавания, которое вызвал первый лист. Она рассердилась на себя за сравнение. За двадцать лет человек не обязан был оставаться в дочерней памяти ровным росчерком.

— Тут нет конверта, — сказал Восс.

— У отца многое хранилось без конвертов. Ты сам видел коробки, — ответил Джайлс.

— Видел.

— Если нужен будет перечень, я составлю.

— Мне нужен ваш рассказ о том, где лежал этот лист. Не перечень задним числом.

Летиция отвернулась к окну. Не хотелось следить, как двое мужчин будут выяснять, кто из них имеет право распоряжаться столом в её комнате.

За стеклом Дафна сидела на траве перед собакой. Собака проснулась и ушла, оставив художнице ошейник, снятый ради удобства портрета. Девушка смотрела ей вслед, потом продолжила рисовать пустое место.

* * *

К обеду Белл вернулся за забытой квитанцией. Жан провела его через боковую дверь; Летиция встретила их в маленькой столовой. Переплётчик держал шляпу обеими руками, но не торопился уходить.

— Мне мистер Восс сказал, что нашёл письмо о моём отце.

— Да. Материно. Мы ещё разбираем.

— Можно будет прочесть?

— Я думаю, да.

— Не пересказ.

— Я поняла.

Он покраснел, и она пожалела, что ответила коротко.

На кухне что-то с грохотом уронили. Жан закрыла дверь локтем, не пытаясь скрыть любопытства. Белл заметил её и стал говорить тише.

— Моя мать до сих пор не держит дома керосин. Таскает лампу соседке, чтобы та заправляла. Соседка смеётся. Ей кажется, это старушечья причуда.

Летиция не нашла ответа. Спросить, жива ли его мать, уже не требовалось; выразить сочувствие было слишком поздно для человека, которого они всю жизнь встречали у задней двери.

— Я попрошу Восса подготовить копию, — сказала она.

— Спасибо.

Белл убрал квитанцию в бумажник. На мгновение показалось, что он хочет назвать цену этой копии, заранее избавить её от ещё одного бесплатного обязательства. Вместо этого он поклонился и вышел.

Позднее, когда со стола убрали тарелки, Летиция нашла Восса в комнате карт. Он перенёс туда три письма и свою тетрадь; в библиотеке Джайлс раскладывал фотографии для очерка. Окно комнаты карт выходило на служебный двор. Солнце освещало лишь верхний угол стола, и Восс держал третий лист над головой, стараясь поймать свет.

— Вы пропустили пудинг, — сказала Летиция.

— Я ел хлеб.

— Это не совсем то же самое.

— Я знаю.

Он положил лист на чистый картон, вытер переносицу. Под очками остались красные следы.

— Мисс Холден, я не стал бы пока включать это письмо в очерк как свидетельство двенадцатого года.

— Из-за почерка?

— Из-за бумаги прежде всего. Мне надо её осмотреть при лучшем свете. И установить, что именно означает то, что я вижу.

— Вы сказали Джайлсу?

— Сейчас скажу. Он автор очерка. Вы владелица бумаг. Я не могу обещать каждому из вас отдельную удобную версию.

У Восса заурчало в животе. Он сердито посмотрел вниз, будто организм подслушал разговор и решил принять в нём участие.

Летиция невольно улыбнулась.

— Я велю Жан принести тарелку. Пока вы ещё способны говорить любезно.

— Она уже спросила, не надо ли меня тоже обернуть папиросной бумагой. Я не уверен, что мы поладим.

Он снял очки, протёр их краем чистого платка и снова посмотрел на лист.

В коридоре Летиция столкнулась с кузеном. Джайлс нёс длинный пенал с карандашами и хотел узнать, куда делась его линейка. Она сказала о сомнениях Восса. Он выслушал, спросил, не собирается ли описатель выдвигать обвинения, и тут же сам отмахнулся от этого слова.

— Пойду разберусь. Возможно, Генри просто дописал старое письмо на другом листе. В семьях так бывает.

Он постучал и вошёл, не дождавшись ответа.

Летиция направилась к кухне за пудингом. На лестничной площадке стояло её ведро. Жан всё-таки убрала его из-под розетки и поставила туда, где об него мог споткнуться любой. Летиция подняла ведро обеими руками; металл был холодный, сухой. Она подумала, что до шести успеет вернуть на место хотя бы несколько вещей.

Глава 2. Чай в прихожей

На повороте к Олдер-Холлу Рид прижал к коленям коробку с копиями. Верхняя тесёмка развязалась, и при каждом толчке из-под крышки выезжал угол картонной папки. Инспектор вёл машину осторожно; всё равно сержанту казалось, что дорога специально выбирает места, где у него заняты обе руки.

— Вы обещали ей вернуть письмо? — спросил он.

— Копию. Она уже получила.

— Тогда зачем везём ещё?

— Это копия перечня для мисс Холден. И несколько адресов, которые просила проверить её тётка.

— Ясно.

Уитмор взглянул на коробку и чуть сбавил скорость. Позади, в Блэквуде, остались две жалобы на одну и ту же собаку и мужчина, который потребовал записать пропажу садовой лейки как кражу, хотя жена при нём объяснила, кому сама её дала. Рид ещё слышал его возмущённое «Это моя жена, но не её лейка». После такого можно было заранее с удовольствием думать о спокойном разговоре с Оливией Марш.

На аллее стоял велосипед, прислонённый к дереву слишком близко к дороге. Рид заметил форменную фуражку на руле. Потом увидел констебля у ступеней.

— Поставьте вон там, сэр, — сказал тот, не дожидаясь, пока машина остановится. — Чтобы доктор выехал.

Уитмор заглушил мотор.

— Что произошло?

— У них человек. Мистер Восс. Внутри.

Констебль говорил внятно, но на слове «внутри» обернулся к двери, будто рассчитывал передать ей остаток объяснения. Это был Хью Додд, местный служащий, которого Рид прежде встречал всего раз. У него покраснела шея над воротом. Фуражку он, кажется, оставил на велосипеде потому, что забыл о ней.

Мисс Холден ждала в прихожей. На ней было светлое платье, на передней складке — тёмное пятно. Она держала руки в стороне от ткани.

— Вы опоздали только на двенадцать минут, — сказала она. — Я успела подумать, что вы не приедете.

Уитмор посмотрел на пятно, потом ей в лицо.

— Где он?

— В комнате карт. Я покажу.

— Позвольте сначала доктору.

— Доктор уже там. Я его вызвала.

Она сделала движение, словно собиралась вытереть руки о юбку, удержалась и сжала пальцы.

Рид поставил коробку у стены. Рядом на узком столике стоял поднос с тремя чашками. Чай остыл, на молоке у края кувшина засохла белая кайма. Хозяйка приготовила угощение для их приезда и, должно быть, до сих пор не помнила, что оно осталось здесь.

* * *

У двери комнаты карт находилась девушка с короткими тёмными волосами. Додд велел ей отойти. Она отошла на шаг, оставив ладонь на косяке.

— Я ничего не трогала, — сказала она. — Только мисс Холден.

— Потом, Жан, — попросила хозяйка.

Комната была длинная, с невысокими шкафами и широким столом под окном. У одного шкафа свисала карта; свернувшийся нижний край прижимал к стене оловянный груз. Восс лежал возле стула на левом боку. Ноги были согнуты, одна туфля упиралась в ножку стола. Его правая рука осталась под грудью. Рид сперва увидел не кровь, а очки под шкафом, с целой и треснувшей линзами.

Доктор присел на пятки, поднялся, опираясь о собственное колено. Он был широкоплеч, в жилете, с мокрой от пота полосой на спине рубашки.

— Ральф Мерсер, — представился он. — Вы инспектор?

Уитмор назвал себя.

— Мёртв. Рана груди, вероятно, от острого клинка. Для подробностей нужен полный осмотр. Я повернул его немного, чтобы проверить грудь и пульс; мисс Холден до моего прихода пыталась поднять плечо. Констеблю уже сказал.

— Орудие нашли?

— Я не искал. Ничего не вынимал. В ране его нет.

Под тёмной кровью просматривалась ткань жилета. Возле стола лежал узкий клочок печатной бумаги с карандашным штрихом на белом поле. Уитмор присел, не касаясь его, затем повернулся к Додду.

— Кто входил после обнаружения?

Констебль перечислил хозяйку, девушку, врача и себя. Оливия Марш дошла до порога, но мисс Холден увела её обратно. Другие оставались в передней части дома; Додд собрал их там сразу, как только приехал.

Рид посмотрел на открытую внутреннюю дверь в короткий проход. За проходом была ещё одна, в служебный коридор. Окно комнаты тоже стояло открытым. Во дворе за окном лежала утоптанная сухая земля; дальше виднелись бочки у стены сарая.

— Когда вы его нашли? — спросил Уитмор.

Летиция ответила не сразу.

— Около без двадцати шесть. Я вышла посмотреть, не едете ли вы. Потом решила взять для тётки письмо из её папки. Она оставила её здесь утром. Мистер Восс не ответил. Я подумала, опять сосредоточился.

Она замолчала. Доктор отодвинул стоявший у стены стул и предложил сесть. Летиция покачала головой.

— Он лежал так же? — спросил инспектор.

— Голова была ближе к стулу. Кажется. Я взяла его за плечо. На полу всё... Я думала, он ударился. Потом увидела грудь.

— Вы больше ничего не перемещали?

— Не знаю.

Рид поднял глаза на неё.

— Я не знаю, — повторила она со злостью. — Я не проверяла, куда поставила ногу. Жан прибежала на мой голос. Я велела позвонить доктору. Она спросила, какому. Я сказала: нашему. И только потом вспомнила его фамилию.

Мерсер взял её под локоть.

— Пойдёмте вымоете руки. Здесь им пока без нас удобнее.

На пороге Летиция обернулась к Риду.

— В прихожей чай. Это для вас было. Не пейте холодный, я скажу сделать.

Он кивнул, потому что она, кажется, ждала именно ответа, а не сочувствия.

* * *

На столе лежали три листа на отдельных картонах. Два пожелтели сильнее третьего. Рядом — открытая тетрадь с колонками: описание, происхождение, замечания. Додд сказал, что видел всё это сразу, ещё до врача. Писем он не читал.

Уитмор попросил его остаться у комнаты, затем прошёл с Ридом в библиотеку. Там сидели мужчина в сером костюме, молодая девушка и Оливия Марш. Тётка держала на коленях шаль. Было жарко, но она укрыла кисти.

— Инспектор, — сказала она. — Боюсь, сегодня с моим письмом придётся подождать.

— Мы его сохраним. Вам плохо?

— Мне неприятно. Это пока не то же самое.

Она посмотрела на девушку, которая теребила широкий кожаный ремень сумки. Та немедленно отпустила его.

Мужчина встал и назвался Джайлсом Холденом, кузеном хозяйки. Потом представил дочь. Дафна тоже поднялась, но отец жестом остановил её.

— Мы пока очень мало понимаем, — сказал он. — Восс обычно работал один. Я увидел его за обедом, затем мы говорили о моих корректурах. Он собирался пройтись. Я предположил, что он ушёл в парк.

— Он вам сказал, что уходит?

— Не при мне. Кажется, упоминал это утром.

— А после обеда вы говорили где?

— В комнате карт. Не особенно долго. Потом я работал в старой оранжерее. Там сухо и никто не спрашивает, к какому году относится каждый мой карандаш.

Он попытался улыбнуться. Дафна смотрела на носки своих туфель.

— Вы слышали что-нибудь? — спросил её Уитмор.

— Что именно?

Джайлс повернулся к ней.

— Дафна.

— Нет, правда. Стук, крик? Я ничего такого не слышала.

— Когда вы в последний раз видели мистера Восса?

— После чая. Я относила ему чашку, потому что Жан несла наверх бельё. Он сказал поставить на подоконник, не на бумаги. Я поставила. Это было... около пяти, наверное. Но я не смотрела на часы.

Рид вынул блокнот. Девушка следила за его карандашом так, будто время должно было окончательно определиться, когда он напишет цифру.

— Что вы делали перед этим?

— Рисовала миссис Берджесс. Собака не согласилась. Миссис Берджесс сидела у двери кухни и щипала смородину.

— Где вы взяли чай?

— На кухне. Они пили раньше. Мне оставили. Я попросила ещё чашку для мистера Восса. Кажется, это было раньше пяти. Я не хочу сказать неправильно.

Она выпрямилась, сердито глянула на отца, словно он требовал ответа, а не инспектор.

— Нам важен порядок ваших действий, — сказал Рид. — Часы ещё проверим.

Оливия протянула девушке свою шаль.

— Отнеси ко мне, будь добра. Мне уже тепло.

Уитмор кивнул, разрешая ей выйти. Джайлс остался стоять.

— Могу ли я чем-то помочь?

— Можете рассказать, что вы обсуждали с Воссом.

— Семейные письма. Датировку. Это была его работа.

— Были разногласия?

Джайлс помедлил.

— Были вопросы, на которые у меня не оказалось немедленного ответа. Я не считал это ссорой.

Из коридора донёсся голос Дафны: она спрашивала Жан, куда деть шаль. Оливия закрыла глаза. Сержанту захотелось выйти и взять несчастную вещь у них обеих.

* * *

Миссис Берджесс встретила Рида на кухне с таким видом, словно полиция наконец добралась до единственного места, где ещё можно было навести порядок. У плиты остывала вода. На столе стояла миска смородины, рядом — тарелка с обломанным хлебом.

— Жан отнесла ему обед, — сказала она. — Потом всё обратно принесла. Почти не ел. Эти учёные приезжают и требуют, чтобы у них голова работала без желудка.

— Вы видели его после обеда?

— Нет. Жан видела, спросите её. Я на кухне и во дворе. Мне с бумагами делать нечего.

Она говорила сердито, но сняла с дальней полки стакан, налила воды и поставила перед ним. Рид выпил половину, прежде чем продолжить.

Чай заваривали около половины пятого. В это время Уорд принёс свёрнутые типографские листы и попросил воды в автомобильный радиатор; миссис Берджесс послала его к дворовому крану. Дафна пришла немного спустя, с рисунком и злостью на собственные руки. Несла ли она Воссу чай в пять или раньше, Берджесс не могла сказать: на кухне часы отставали, и она ставила обед по своим.

— Ваши где?

Женщина вытащила из кармана фартука маленькие часы без цепочки. Заводила утром. Сверяла последний раз в воскресенье по церковным, потом те остановились. Рид переписал показания обоих циферблатов. Берджесс потребовала вернуть ей часы прежде, чем он забыл и унес их в кармане.

Жан привела садовника Снелла с ведром гороха. Тот сперва пытался отдать ведро кому-нибудь, потом поставил его на пол. В оранжерее действительно был стол; Джайлс часто работал там, когда приезжал. Снелл сегодня видел его у входа, но ненадолго. Сам ходил к грядкам и в сарай. Двор оттуда не просматривался целиком.

— Не следил я за ним, — добавил садовник. — Он мне за это не платит.

У Жан дрогнули губы. Берджесс посмотрела на неё, и девушка стала совершенно серьёзной.

Рид спросил о Белле. Тот уехал после возвращения за квитанцией, до обеда; приготовленную пачку крышек оставил в библиотеке. Уорд должен был забрать её вечером.

— Забрал? — уточнил сержант.

— Да, — ответила Жан. — Мистер Холден вынес. Я ещё хотела помочь, он сказал, не нужно, там неудобно брать.

— Когда?

Она посмотрела на Берджесс, но та покачала головой.

— До того, как нашли мистера Восса. Я вытирала в передней комнате зеркало. Видела через окно, как он отдал пачку. Уорд сердился, что опять посылают назад то, что утром привезли.

— Мистер Холден сам её упаковал?

— Я не видела. Бечёвка уже была. Белл утром связывал. Потом она стояла в библиотеке у двери.

Сержант записал имя перевозчика. Спросил, где его искать, кто пользуется его машиной и какие заказы были на сегодня. Берджесс сказала, что она не распорядитель всех доставок в округе. Потом вытерла руки и достала из ящика его карточку.

* * *

Когда Рид вернулся в комнату карт, Уитмор разговаривал с доктором у открытого окна. На столе уже лежала чистая простыня, которую Додд принёс по просьбе врача, но тело ещё не

накрыли. Собирались сделать снимки и описать положение вещей. Из Блэквуда должны были приехать помощники.

Доктор не обещал точного времени. Состояние тела согласовывалось с недавней смертью, но между «недавней» и последним рассказом Дафны оставалось место, которое нельзя было закрыть привычкой семьи пить чай в половине пятого.

Рид сообщил о ноже, оставленном переплётчиком. Назвал инструменты, о которых рассказала Жан: один длинный с тёмной рукоятью, второй белый, плоский, из кости. Уитмор повернулся к рабочему столику у шкафа.

Там лежали косточка, ножницы, кусок кожи и тесьма. Длинного ножа не было.

— Белл мог забрать его, — сказал Рид.

— Мог.

— И пачка уже уехала. В ней возвращали его работу.

Инспектор попросил Додда передать сообщение перевозчику. Не ждать, пока тот в следующий раз сам заедет в дом. Уточнить, кому отданы вещи, если отданы; оставшееся пока не распаковывать.

Вечерний свет уходил с пола к стене. На подоконнике стояла чашка, принесённая Дафной. Чай почти не убыл, ложка лежала на блюдце поперёк. Рид посмотрел на место, где девушка ставила его, затем на стул у тела. Ничто пока не объясняло, как Восс оказался на полу.

Из прихожей донёсся голос Летиции. Она объясняла кому-то, что ужин всё равно надо приготовить, только за другим столом. Слова сбивались, потом повторялись снова, точнее. Сержант закрыл блокнот на пальце и пошёл помочь ей сказать, кого ещё следует оставить в доме.

Глава 3. Чужой год

Летиция принесла в малую гостиную три деревянные коробки. Поставила их на ковёр, потом подняла одну и положила на стул. Ей приходилось выбирать, какую часть дома ещё можно считать обычной. Ковёр у камина годился для этого хуже, чем прежде.

Уитмор подождал, пока она сядет.

— Эти бумаги от вашего отца?

— От дяди Мартина. Джайлс привёз вчера. Большая коробка с письмами отца, другая с хозяйственными счетами, маленькая с фотографиями. Мы ещё не всё вынули.

— Кто разбирал?

— Восс. Я помогала. Джайлс брал фотографии и письма для очерка. Дафна искала семейные рисунки. Тётка смотрела, нет ли чего-нибудь от знакомых. Жан переносила коробки, когда мы освобождали стол. Можете записать — весь дом. Не запертую шкатулку мы открыли.

Хозяйка сказала это устало. Уитмор отодвинул от неё лампу, светившую прямо в лицо. Она благодарно кивнула, не заметив, что он сделал это ради собственного удобства: хотел видеть её руки, не щурящиеся глаза.

— Днём Восс сообщил вам о сомнениях в одном письме.

— Да. Я вам говорила в коридоре.

— Что именно?

— Что не стал бы печатать его как свидетельство двенадцатого года. Из-за бумаги. Мне стало стыдно, что я ничего не поняла сама. Я ведь держала её.

Она посмотрела на свои вымытые пальцы и убрала их под колени.

— Он знал, откуда письмо взялось?

— Джайлс сказал — из бумаг отца. Но Восс хотел подробностей. Где лежало, с чем, были ли конверты. Два первых он вынул из пачки при мне. Третье Джайлс дал отдельно, уже разглаженное. Вчера. Я не считала это важным. Оно могло просто мешать между фотографиями.

Уитмор записал порядок. Попросил не связывать коробки обратно, не перемешивать остаток пачек. Летиция посмотрела на него почти с ненавистью.

— Я не собираюсь прибирать после убийства так, будто у нас были гости и все ушли.

Он закрыл блокнот.

— Простите. Вы правы.

Она отвернулась, но через несколько секунд сказала:

— Всё равно я могла бы. Начать складывать, чтобы руки были заняты. Лучше вы сказали.

В коридоре подошвы Додда скрипнули по паркету. Прибыли люди из Блэквуда. Констебль попросил инспектора выйти к ним и заодно сообщил, что послал к дому перевозчика сына местного лавочника, умеющего ездить на велосипеде без остановок у каждого знакомого. Другого помощника удалось отправить в мастерскую Белла. Сам Додд оставался в доме.

Летиция подняла деревянную крышку с коленей.

— Мы ведь теперь надолго здесь останемся?

— Пока нам надо поговорить со всеми. Об отъезде обсудим отдельно.

— Джайлс хочет увезти Дафну.

— Сегодня не надо.

Она кивнула так, словно получила ответ на другой вопрос.

* * *

Письма сняли с картонов после снимков стола. Уитмор следил, как их описывают и укладывают отдельно, сохраняя порядок Восса. Не любил торопливых движений над старой бумагой. Вспоминал не архивы, а собственный стол: стоило переложить два листа, и через день уже казалось, что так они и лежали.

Первое письмо Генри Холден писал брату Мартину девятого октября двенадцатого года. Подпись была свободная, крупнее основного текста. В конверте стоял почтовый оттиск следующего дня; рядом Восс записал совпадение сгибов и принадлежность к пачке, но оставил место для дальнейшего сравнения. Инспектор прочёл письмо целиком. Рамы, стоимость стекла, жалоба на лошадь, которая разбила оглоблю. Затем:

«Ключи мастерской пока у Джайлса. Натан закончил обе рамы и хочет прежде воскресенья взять оставшуюся древесину. Не вижу причины отказывать. Генри».

Во втором листе, написанном Элспет, авторского года не оказалось. «14 октября», и рядом, теснее, карандашное «1911». Восс обвёл эти цифры на собственной карточке, к оригиналу не прикасаясь карандашом.

«В субботу сгорела мастерская. Я до сих пор чувствую дым в волосах, хотя меня там не было. Натан обжёг обе руки, вытаскивая мальчика через окно, а маленького Уилла всё же не спасли. Вчера отвезла в больницу рубаху. Его жена не позволяет отдать старую: думает, из неё выпали деньги. Джайлсу следовало сказать о двери прежде, чем приехали с вопросами. Натан дважды просил открыть. Генри сердится, но я не вижу, чем теперь поможет гнев».

Дальше шли просьба не присылать цветов, известие о простуженной Летиции и обычный вопрос о здоровье Мартина. Уитмор задержался на детском имени. Женщина, которая только что нашла мёртвого человека в собственном доме, была здесь девочкой с простудой. Это не помогало расследованию, но мешало обращаться с письмом как с готовым обвинительным заключением.

Конверт возле этого листа был другой длины, и в тетради Восса прямо стояло: «Принадлежность не удостоверена». Инспектор попросил переписать замечание полностью. Цифры на конверте ничего не исправляли, пока они не знали, какой лист когда в него вложили.

Третье письмо, от одиннадцатого октября, рассказывало уже иную историю. Натан якобы угрожал хозяину: «Вы ещё увидите, как хорошо горит сухое дерево». Джайлс, по словам Генри, уехал в Бристоль по делам, поэтому поручить ему разбирательство пока было нельзя. О двери или ключах не упоминалось. Конверта не было.

У окна инспектор поднял лист к остаткам дневного света. Бумага внизу становилась тоньше вокруг светлого узора. Различались буквы, затем две цифры. Он изменил угол, подложил чистое стекло, которое принесли для снимков. Прочитал «18», а перед ними — что-то, похожее на ещё две цифры.

— Не складывайте здесь, — сказал он помощнику. — Пусть осмотрят целиком. И тетрадь Восса нужна с этим местом.

В тетради лежала закладка из гостиничного счёта. На открытой странице Восс написал: «Водяной знак? 1918. Уточнить полную форму. Не дата чернил». Ниже: «Б — год поздней пометой. Пожар: сведения независимые».

Помощник посмотрел на оригинал.

— Значит, подделка?

— Значит, Восс увидел то же, что сейчас пытаемся увидеть мы. Свяжитесь с Роули. Нужен осмотр бумаги и сравнение документов, не заключение по нашему пересказу.

Бернард Роули занимался для полиции спорными документами и фотографиями; жил достаточно далеко, чтобы не являться по одному телефонному звонку с готовым ответом. Инспектор попросил узнать, когда он сможет приехать или принять упакованные листы. До этого важнее было сохранить их, чем пытаться увидеть через стекло каждую удобную цифру.

* * *

Джайлс ожидал в библиотеке. У него хватило самообладания не спросить, что они нашли, едва Уитмор вошёл. Зато он сразу сообщил, что дочь не должна ночевать в доме, где произошло такое событие.

— Ей девятнадцать, — сказал инспектор. — Я учту ваши опасения. Сейчас мне нужно закончить вопросы о сегодняшнем дне.

— Я могу вызвать поверенного?

— Можете.

Джайлс выждал, словно ожидал возражения, затем попросил номер телефона своего солиситора у Летиции. Она ушла за записной книжкой. Разговор продолжили в её отсутствие, с согласия Джайлса; более подробное заявление он предпочёл дать позже.

Он снова описал работу в оранжерее. После дневного разговора с Воссом взял фотографии, карандаши и старые листы очерка. Потом пришли новые из типографии. Он получил их от Уорда во дворе, унёс к своему столу, исправлял имена и порядок иллюстраций. Перед отъездом перевозчика вернулся к дому и вынес приготовленные переплёты.

— Вы открывали пачку?

— Я её перевязал. Бечёвка болталась.

— Добавили что-нибудь?

— Не помню. Кажется, бумагу, чтобы углы не тёрлись. Там старые крышки. Полагаю, мистер Белл не возражал бы.

— Какую бумагу?

— У нас сейчас бумаги повсюду, инспектор.

— После получения корректур вы заходили к Воссу?

— Нет. Зачем мне было идти к нему с опечатками?

— Я пока не знаю, зачем.

Джайлс отвёл взгляд к дверям. Летиция всё ещё не возвращалась.

Восс, по его словам, сомневался в происхождении третьего письма и слишком быстро решил, что семья обязана оправдываться. Джайлс считал, что перед публикацией следовало провести проверку; именно для этого Летиция и пригласила специалиста. Угроз он Воссу не делал. Требования сжечь или скрыть письмо тоже не было.

— Он хотел перечеркнуть всё, что мы знали об отце Белла, — сказал Джайлс. — И восстановить случившееся по нескольким строкам женщины, которая даже не присутствовала при пожаре.

— А вы присутствовали?

— Приехал позднее. Огонь уже тушили.

Инспектор записал ответ, не поднимая головы. Через некоторое время Джайлс добавил:

— Мне тогда было двадцать семь. Думаете, я помню каждый час?

Уитмор посмотрел на него. Нынешний возраст кузен назвал сорок восемь, и арифметика сходилась. Но спрашивали его не о каждом часе.

Вернулась Летиция с книжкой. Джайлс взял её, нашёл номер и вышел к телефону. Хозяйка осталась стоять у двери.

— Он действительно пробовал уехать? — спросил Уитмор.

— Предложил. Дафна отказалась собирать вещи, пока не получит свою сумку из комнаты тётки. Потом тётка сказала ему сесть. Он сел.

Летиция потёрла переносицу, почти повторив движение Восса, которое видела днём.

— Она умеет произносить обычные слова так, что спорить нелепо.

* * *

В мастерскую Белла Рид добрался уже при зажжённой лампе. Дорога от дома шла вниз в Олдер; у последних садов кончилась пыль и начались булыжники. На двери висела табличка о часах работы, но за стеклом ещё двигался человек.

Белл открыл не сразу. Сначала убрал со стола лист под доску, затем вытер руки, хотя они были сухие.

— Он умер? — спросил он.

— Кто вам сказал?

— Мальчик из лавки. Он искал Уорда. Потом приходил ваш помощник. Сказал ждать.

Сержант вошёл. На полках теснились потрёпанные книги с чужими фамилиями на бумажных полосках. В глубине женщина в очках сидела возле окна с чулком на коленях. Она проводила Рида взглядом, затем сказала сыну, что пойдёт к себе. Белл ответил, чтобы она взяла свечу.

— Это мать. Она не работала сегодня в доме, — предупредил он.

— Я ещё не спрашивал.

— Знаю, с кого начинают.

Рид снял шляпу и выбрал стул, на котором не было ни книги, ни пресса. Белл следил за этим с невольным одобрением.

Сержант попросил перечислить оставленные инструменты. Длинный переплётный нож, косточка, ножницы. Нож в доме, он его не забирал. Во время возвращения за квитанцией видел Летицию в маленькой столовой, в комнату карт не входил. Работать с письмами не собирался. Квитанцию показал, вернее — вытряхнул из бумажника вместе с монетой и обломком спички.

— Почему оставили нож, если работы с письмами не было?

— Нужно снять несколько старых крышек. Я показал, где клей. Мистер Восс хотел посмотреть подклейку на книге. С таким лезвием он скорее разрежет шов, чем начнёт рвать руками. Я сказал, чтобы страницы не трогал.

— Лезвие острое?

Белл поглядел на него и отвёл глаза.

— Достаточно.

Рид попросил описать нож. Тёмная деревянная рукоять, ремонтный штифт сбоку, не слишком глубоко посаженный. На обухе у пятки небольшая выемка от прежней заточки. В мастерской был похожий по назначению, но короче и с другой ручкой. Белл принёс его, положил на край стола и отошёл. Сержант записал, что это другой предмет, и не стал придавать тяжёлому молчанию значение признания.

Оставшуюся часть дня проверяли долго. Белл вернулся в мастерскую до обеда; занёс книгу счетов. Его подмастерье Арчи был здесь до четырёх, затем ушёл доставлять заказ. После этого приходила клиентка за молитвенником, сосед просил починить ремень. Кто мог подтвердить каждый промежуток, Белл не знал. Мать слышала его работу из соседней комнаты, но выходила к соседке. Сам он никуда не отлучался.

— И вы можете записать, что я был зол, — сказал он вдруг. — На мистера Холдена. Только не на Восса.

Сержант подождал.

— Восс сказал о письме. А Джайлс вчера объяснял, что семейные неприятности надо оставить в прошлом. Наши неприятности. Его семья когда хотела, тогда и вспоминала.

Белл выдвинул ящик, вынул небольшую фотографию. Мужчина на снимке держал детский деревянный паровоз. Лицо было молодое, руки — гораздо старше лица; пальцы сгибались неровно.

— Это после пожара. Он не мог застёгивать пуговицы зимой. Столяр, понимаете. Всё равно делал мне игрушки.

Рид взял фотографию только после разрешения. Натан Белл улыбался не в объектив, а кому-то сбоку. Сын смотрел на снимок с явным раздражением: не хотел просить полицейского полюбить его отца.

— Он умер давно?

— В двадцать восьмом. Мать ещё здесь, как видите.

За стеной скрипнула кровать. Белл убрал фотографию.

Пачку переплётов, по его словам, связывал он сам: две крышки, повреждённый корешок и несколько образцов для повторной подгонки. Никаких инструментов отправлять обратно не просил. Уорд должен был доставить её завтра, потому что вечером ехал по другим заказам. Сам Белл не подходил к машине, когда грузили обратный груз.

Рид попросил назвать клиентов и адрес подмастерья, затем встал. Переплётчик задержал его у двери.

— Он собирался дать мне копию. Теперь не даст?

— Мы выясним, что с письмом. Я передам вашу просьбу.

— Не просьбу оправдать отца. Прочесть самому.

Сержант кивнул. Снаружи пахло тёплым камнем и мокрой золой: в соседнем доме ополоснули ведро и вылили под стену. Из окна мастерской женщина следила, как он садится в машину. Рид не стал смотреть на неё в ответ. Записал адрес следующей клиентки на свободной странице и подержал блокнот перед глазами ещё несколько секунд, прежде чем завести мотор.

Глава 4. Обратный груз

Филип Уорд не понимал, почему им непременно понадобилось место под его машиной. Он уже поднял фонарь и показал пустой двор, затем открыл заднюю дверцу. Констебль всё равно осветил землю с другой стороны, а молодой человек из Блэквуда попросил его не становиться перед светом.

— Я не нарочно, — сказал Уорд. — У меня ноги там же, где я стою.

Было начало двенадцатого. Жена вышла из дома в пальто поверх ночной рубашки и теперь держала в руках его башмак. Уорд заметил это и рассердился ещё сильнее. После дороги он успел разуться только наполовину.

— Фил, убитого, говорят, нашли.

— Я слышал.

— В доме мисс Холден.

— И это слышал. Отдай башмак.

Она отдала, сразу обидевшись. Уорд сел на порог, натянул башмак и начал рассказывать сержанту Риду сегодняшний путь с самого утра. Ему казалось необходимым начать с покупки бензина. Потом выяснилось, что человек с блокнотом слушает и бензин тоже, и это немного его успокоило.

Он вернулся домой незадолго до десяти. У аптеки передали, что его ищет Додд; дома уже ожидал мальчик с запиской. Перевозчик пошёл к соседу, у которого был телефон, и позвонил. Додд вскоре приехал, попросил не доставать оставшиеся вещи. Уорд отдал ключ, но машину открывать без него не пожелал: там находился чужой груз, отвечать за который потом пришлось бы ему.

— Правильно сделали, что дождались, — сказал Рид.

— Это вы мне сейчас скажете. А потом спросят, почему хрусталь разбился.

Внутри пахло тёплой резиной, яблоками и пылью. Пачка из Олдер-Холла лежала на полу за водительским сиденьем, на старом одеяле. Рядом стоял пустой ящик из аптеки. Ничего из этого Уорд по дороге не выдавал; переплёты Беллу везти собирался утром. Жена к машине не подходила. Помощника у него не было. Когда отходил от автомобиля, запирал; на двух остановках выгружал сам, на остальных ему помогали заказчики у задней дверцы. Их фамилии он назвал без особого удовольствия.

— Проверяйте. Только не заставляйте людей думать, что я вожу такое нарочно.

Он кивнул на пачку.

Никто пока не сказал, что именно в ней искали.

Рид попросил его описать получение груза. Возвращение в Олдер-Холл, просьба Холдена подъехать ближе, пачка на низком каменном парапете у бокового крыльца. Перевозчик сначала убирал из машины одеяло, чтобы не поцарапать переплёты. Холден стоял возле пачки, подтягивал бечёвку. Небольшой белый свёрток он подложил сбоку, под верхнюю крышку. Затем завязал.

— Вы видели, что было в белой бумаге?

— Нет.

— Он объяснил?

— Сказал, ещё к тому же заказу. Я спросил, Беллу всё? Он ответил — да. Понимаете, я не спрашиваю у каждого, зачем он посылает кусок кожи. Я бы тогда половину не довёз.

Пачку извлекли при нём. На коричневой обёртке были старые сгибы, на бечёвке — светлая пыль. Рид записал положение узла, попросил сфотографировать, затем дал Уорду проверить описание. Не объявлял ни узел, ни способ перевязки чьим-то единственным почер-

ком. Сначала сняли бечёвку, осторожно отвернули наружную бумагу и вынули две потёртые крышки.

Белый свёрток оказался длинным, плоским. На одном конце просвечивало бурое пятно.

Уорд шагнул назад, задев ящик ногой.

— Вот это он добавил. Это самое.

В бумаге лежал нож с тёмной рукоятью. У пятки лезвия засохли неровные тёмные полосы; латунный штифт блестел в свете фонаря. Рукоять была завёрнута теснее, чем клинок. Через складку бумаги проходили печатные строки.

Рид не стал касаться штифта. Всё, что он хотел сейчас сделать, следовало сначала описать.

Жена Уорда издала короткий звук и закрыла рот ладонью. Перевозчик посмотрел на неё, потом на машину.

— Одеяло моё оставите?

Сержант поднял голову.

— Пока придётся осмотреть и его.

Уорд кивнул. Он не смотрел на нож; следил за белой бумагой, которую осторожно разворачивали на чистой подложке.

* * *

К двум часам ночи Уитмор перечитал полученные записи и отложил их в сторону. Тело Восса уже увезли. Комната карт была опечатана после завершения первоначального осмотра; на бумагах, пришедших из дома, стояли номера и подписи. В участке пахло заваренным несколько раз чаем и мокрым полотенцем, которое кто-то бросил сушиться на спинку стула.

Нож следовало показать Беллу, сопоставить с раной, исследовать пятна. Первоначальный вид ничего этого не отменял. Уитмор знал, как быстро привычное слово «кровь» обзаводится именем, если человеку хочется считать предмет найденным вовремя.

Уорд прочёл свою запись дважды. Исправил «запечатанная пачка» на «перевязанная»: печати не было. Потом добавил, что после возвращения из Олдер-Холла ещё останавливался у кузницы за подписанной накладной. Машина простояла там несколько минут; он от неё не отходил, но кузнец подходил к водительской стороне.

Инспектор поблагодарил за дополнение.

— Я забыл, — сказал Уорд. — Не хотел бы, чтобы потом...

Он не договорил. Рид нашёл в ящике чистый конверт для его собственной квитанции и вернул её отдельно от принятых документов. Перевозчик прятал конверт во внутренний карман медленно, словно впервые пользовался этим пиджаком.

Когда его отпустили, он спросил, можно ли завтра работать. Заказы уже приняты. Инспектор объяснил, какие части машины ещё должны осмотреть и когда его известят. Уорд ушёл, недовольно покачав головой; у двери поблагодарил сразу обоих, едва слышно.

На обёртке ножа оказался кусок типографской корректуры. Заголовок не сохранился. Вдоль печатных строк шла карандашная правка; край с одной стороны был оторван, с другой срезан ровнее. Два слова посередине замазало тёмным пятном. Уитмор не стал пытаться угадать их.

— В комнате карт тоже была печатная полоска, — сказал Рид.

— Её упаковали отдельно.

— Хотите принести?

— Утром. Не будем совмещать края над этим столом, пока у нас руки дрожат.

Сержант посмотрел на собственные пальцы. Он не замечал, что держит карандаш слишком крепко.

Уитмор встал, приоткрыл окно. Ночь снаружи была почти тёплая. У стены кто-то оставил велосипед; на руле висела авоська с луком. Инспектор некоторое время рассматривал её, пытаясь вспомнить, кому из дежурных собирались передать покупки. Не вспомнил.

— Белл мог перевязать пачку до отъезда, — сказал Рид. — Холден тоже. Уорд утверждает, что видел белый свёрток в руках Холдена. Мы знаем, кто вынес её из дома. Пока не знаем, что он знал о содержимом.

— Завтра спросим его именно об этом.

— А если скажет, Восс сам просил вернуть нож?

— Тогда спросим, когда, при ком и зачем было так оборачивать.

Рид потянулся за чашкой, увидел плавающую чаинку и поставил обратно.

— Я поеду домой. Нелл опять решит, что меня кормят в участке.

— В этом нет ничего страшного.

— Когда узнает, что не кормят, станет хуже.

Уитмор остался у окна. Он собирался уехать следом, но знал, что прежде ещё раз проверит, все ли сообщения отправлены. Ни одна дополнительная проверка сейчас не обещала сделать работу легче утром.

* * *

В четверг шестого июля Дафна появилась на кухне Олдер-Холла раньше остальных. Миссис Берджесс застала её у хлебницы с ножом в руке и остановилась на пороге. Девушка проследила за её взглядом.

— Я хотела отрезать.

— Вижу.

— Это ваш. Кухонный.

Женщина молча взяла нож, отрезала два толстых ломтя и положила на тарелку. Потом налила Дафне молока вместо чая. Та не стала возражать, хотя молока по утрам не пила лет с двенадцати.

В окне отражалась часть двора. Возле бокового крыльца стоял констебль; второй заходил в сарай со Снеллом. Пёс Берджесс сидел на крыльце и ждал, когда люди наконец вспомнят о нём.

— Они не нашли? — спросила Дафна.

— Что?

— Ну... Не знаю.

Берджесс отвернулась к плите. Никто не давал ей права рассказывать, что привозили ночью и зачем снова приезжал полицейский. Она слышала обрывки, но не собиралась доставать из них готовый ответ.

Дафна съела половину ломтя, положила остальное на блюдце. На столе лежал вчерашний рисунок — голова собаки, ухо и пустой овал туловища. Кто-то поставил на край мокрую чашку. Девушка попробовала стереть кольцо ладонью, только размазала уголь.

Отец вошёл в светлой рубашке без пиджака. Посмотрел на тарелку, затем спросил, почему она не позавтракала наверху. Дафна ответила, что не больна.

— Я и не говорил.

— Ты всё время предлагаешь меня куда-нибудь отнести.

Берджесс сняла крышку с кастрюли слишком громко. Джайлс посмотрел на неё и перестал говорить.

Когда Дафна вышла, он задержался у стола, проверил пальцем мокрое кольцо на рисунке. Его позвали к телефону: приехавший из города мистер Ледбери хотел прежде разговора с полицией увидеть клиента наедине.

Джайлс попросил приготовить кофе. Миссис Берджесс сказала, что сначала подаст завтрак мисс Холден и её тётке.

Он кивнул, не споря. С кухни было слышно, как он на лестнице поздоровался с полицейским. Голос прозвучал ровно, почти бодро; Берджесс зачем-то пересчитала стоявшие на столе чашки.

* * *

Уитмор показал Джайлсу Холдену описание пачки в присутствии Говарда Ледбери. Поверенный был невысоким мужчиной с тяжёлыми веками, говорил негромко и прежде всего спросил, в каком качестве его клиента расспрашивают. Инспектор объяснил, что проверяет обстоятельства убийства и передачу предмета, который может быть с ним связан. Обещать безобидность разговора не стал.

О содержимом пачки Холдену сообщили до вопроса. Он посмотрел на поверенного, затем потребовал увидеть найденный нож. Уитмор показал фотографию и описание примет; сам предмет оставался упакован для исследования.

— Я не завернул его, — сказал Джайлс.

— Вы добавили белый свёрток к переплётам?

— Да. Кажется, да. Он лежал рядом с пачкой.

— Что это было, по вашему мнению?

— Не знаю. Инструмент. Образцы. Я не разворачивал.

Рид перелистнул свой блокнот. Накануне Холден говорил о бумаге, добавленной, чтобы не тёрлись углы. Теперь пояснил: бумага и была снаружи; добавляя свёрток, он положил его так, чтобы пачка держалась плотнее. Противоречия в этом он не видел. Ледбери попросил записать объяснение полностью.

— Кто велел его передать? — спросил Уитмор.

— Никто не велел. Был обратный заказ Беллу. Всё стояло у одной двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.